

⁶Здесь и далее деление текста на главы дается по изд.: Житие Нифонта / Изд. А.В.Рыстенко: Матер. з ист. візант.-словян. літ. та мови. Одеса, 1928.

⁷Выголексинский сборник.М., 1977. С.74–75.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ Там же. С.76–77.

*И.В.Починская
Екатеринбург*

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ СТАТУСЕ “НОВОГО ЗАВОДУ КНИЖНОГО ПЕЧАТНОГО ДЕЛА” ВАСИЛИЯ БУРЦОВА

Об особом положении В.Бурцова в системе российского книгоиздания XVII в. писали многие исследователи. В начале века А.А.Покровский в своей работе “Печатный московский двор в первой половине XVII века”¹ отметил, что Бурцов занимал привилегированное положение на Печатном дворе, сам подбирал себе работников, ему были выданы деньги в размере 329 руб. из патриаршего разряда и книжного печатного приказа на постройку станов. А.С.Зернова развила эту идею А.А.Покровского, заметив, что Бурцов получил ссуду в размере 1132 руб. 5 алт., которую должен был выплачивать. Выплачивая ее частью деньгами, частью книгами, он продолжал получать жалованье от казны². Позднее, в начале 1980-х гг., та же мысль была подкреплена авторитетом Е.Л.Немировского, который к уже высказывавшимся соображениям об особенностях положения Бурцова добавил, что “Бурцов получает жалование, но вместе с тем оборудование, на котором работают мастеровые, принадлежит не казне, а ему”³. Наконец, в “Словаре книжников и книжности Древней Руси” мы уже читаем, что погасив ссуду, Бурцов стал арендатором типографии⁴.

Попытаемся разобраться с положением В.Бурцова еще раз проанализировав документы.

В.Бурцов появился на Печатном дворе в 1632 г. и действительно сразу оказался на особом положении. Строительство помещения и станов для него финансировалось Патриаршим разрядным приказом, тогда как вся остальная деятельность Печатного двора обеспечивалась деньгами через приказ Книжного печатного дела по распоряжению приказа Большого дворца. Бурцову было назначено жалованье как Кондрату Иванову (это было оговорено в указе) в размере 60 руб. (РГАДА. Ф.1182. Оп.1. Д.15. Л.67–67 об.; далее при отсылке на документы Пе-

чатного двора в скобках будут указываться номера дела и листов). Он получил возможность подобрать для своих двух станов полный штат мастеровых людей в количестве 25 человек.

Чем объяснить такую благосклонность патриарха к новому мастеру?

В литературе делались попытки увязать деятельность Бурцова с созданием под эгидой патриарха Филарета школы в Чудовом монастыре в 1632–33 гг., к сожалению, эта гипотеза не была глубоко проработана. Думаю, что это следовало бы сделать, так как репертуар изданий Бурцова первых лет его работы свидетельствует в ее пользу. В 1633–34 гг. Бурцовым было выпущено два издания Псалтыри, Часовник и три издания Азбуки.

Однако я не буду останавливаться на этом вопросе, так как он выходит за рамки данного сообщения, а попытаюсь изложить свою точку зрения на юридический статус заведения Бурцова.

В документах Печатного двора с конца 1632 г. появляется информация о работах в “одинокой горнице” (так именовалось помещение, где размещался В.Бурцов). Ее отделка, закупка необходимых для этого материалов, оплата работы мастеровых, приобретение мелкого типографского инвентаря производились общим порядком, принятым на Печатном дворе. Постройкой станов руководил сам Бурцов, поэтому ему лично на оплату связанных с этим расходов было выделено 329 руб. 7 алт. (Д.15, 18). Нет никаких сомнений в том, что в этот период Бурцов трудился как служащий Печатного двора, пользующийся особым покровительством властей. Однако вряд ли можно рассматривать финансирование работ по созданию нового печатного отделения как ссуду мастеру.

Последнее упоминание о В.Бурцове как мастере Печатного двора относится к 1 сентября 1633 г., когда ему и его мастеровым был определен оклад на новый год и выдано жалованье (Д.17. Л.3). Это была последняя выплата, которую Бурцов получил от казны.

Под 30 октября 1633 г. (через месяц после смерти патриарха Филарета, непосредственно финансировавшего работу Бурцова) в документах Печатного двора помещена информация об оплате работы печника, который “в одинокой горнице, где печатаются Уставы, починивал печь” (Д.18. Л.15 об.). Из этого следует, что в помещении, предназначенном для Бурцова, допечатывали Око церковное. Этот факт позволяет предполагать, что В.Бурцов покинул Печатный двор.

Следующее упоминание о Бурцове в документах Печатного двора относится к сентябрю 1634 г. (в книге А.С.Зерновой “Орнаментика...” на с.23, опечатка – вместо 1634 г. указан 1633 г.), где говорится

о том, что 13 сентября Бурцов в счет погашения денежных средств, выделенных казной на постройку станок и все прочие расходы, связанные с их запуском в дело, составляющих 1132 руб. 5 алт. полпяты деньги, вносит 500 руб., а 20 сентября с него взято на 200 руб. книг (Д.20. Л.107–107 об.). 12 января 1635 г. Бурцов выплатил еще 432 руб. 5 алт. полпяты деньги (Д.22. Л.130). Таким образом, менее чем за пять месяцев Бурцов возместил все расходы казны на устройство нового печатного отделения, включая затраты не только на оборудование и материалы, но и на оплату работы мастеровых, в том числе своей работы, тем самым он выкупил и право на книги, напечатанные им в 1633–34 гг. С этого момента нет никаких сведений о взаимоотношениях Бурцова ни с Печатным двором, ни с казной. Думаю, что документы не дают оснований предполагать аренду типографского оборудования. Я бы определила дальнейшее существование типографии В.Бурцова как частное предприятие.

Чтобы подтвердить свое предположение, я попыталась найти аналогичные случаи в истории российского частного предпринимательства.

Например, в договоре 1667 г. о возвращении Петру Марселису его тульских и каширских заводов, забранных в казну на пять лет за какую-то провинность, указано, что Марселис должен вернуть казне те деньги, которые были потрачены ею на новые заводские строения в период владения заводами⁵.

Еще более яркий пример – это передача Невьянского завода Н.Демидову в начале 1702 г. При передаче завода новому владельцу был сделан тщательный подсчет расходов казны, куда вошли затраты на строительные материалы, оборудование, оплату труда работников, как денежную, так и натуральную. Т.е. в долг Н.Демидову записывалась себестоимость завода, которую он должен был выплатить с рассрочкой⁶.

Документов, на основании которых можно судить о деятельности типографии В.Бурцова, сохранилось очень мало. Думаю, что главная причина этого в частном характере предприятия. Сохранились лишь те немногие документы государственного делопроизводства, которые возникали в результате обращения Бурцова за санкцией или помощью государства и т.п.

Самый ранний документ, касающийся самостоятельной деятельности В.Бурцова, относится к маю 1636 г. (он впервые обнаружен автором в этом году). Отпускаяшемуся на родину немецкому рудознатцу Антону Гроту был дан наказ Дворцового приказа “купить в немецкой

земле нового заводу книжному печатному делу халмею, которой к книжным словам ко лугу в прибавку в литье годится” (РГАДА. Ф.151. Оп.1. Д.7. Л.210–210 об.).

Подтверждением самостоятельности Бурцова является его челобитная царю от 1639 г. Этой челобитной он просит отправить домой прусского мастера Андрея Фрума, который, по словам печатника, “по твоему государеву указу, а *по моему челобитью* призвал в Московское государство к твоему государеву бумажному делу *по моему холопа твоего договору...* на время *ис корму на моих холопа твоего проторех...*” (РГАДА. Ф.141. Оп.1. Д.77. Л.289).

Предыстория этого дела раскрывается в другом широко известном документе 1639 г. – распросных речах В.Бурцова о белорусском печатнике Спиридоне Соболе. Там Бурцов между прочим напоминает, что в 1638 г. “бил челом он государю” и о том, чтобы тот разрешил ему послать за границу подобранного им человека, который приискал бы для него четырех мастеровых, специалистов бумажного дела. Таким человеком оказался новгородский толмач Сидорка. Разрешение царя на его поездку за границу с поручением печатника было дано⁷. Так А.Фрум оказался в Москве.

Несколько замечаний хотелось бы сделать по поводу штата работников В.Бурцова. Как уже упоминалось, еще будучи мастером Печатного двора, Бурцов подобрал 25 человек мастеровых к двум своим станам. Но не все они ушли с ним после отделения его от государственной типографии. Некоторые мастеровые остались на Печатном дворе, другие позднее переходили к Бурцову, причем переход сопровождался увольнением с Печатного двора. Например, в “Росписном списке г.Москвы 1638 г.”, опубликованном И.С.Беляевым (М., 1911. С.7), среди живущих в доме Бурцова обозначены два захребетника – словолитец Терешка Семенов сын Есипов и резец Лучка Иванов. В документах Печатного двора удалось обнаружить, что в начале ноября 1637 г. был уволен батыйщик Терешка Семенов (Д.31. Л.40 об.). Имя второго захребетника среди работников Печатного двора не выявлено. Те же мастеровые, которые перечислены среди подобранных для себя Бурцовым в 1632 г. и не значились в документах Печатного двора в период работы типографии Бурцова, появились там вновь только в 40-е гг. XVII в., т.е. после закрытия типографии Бурцова.

Таким образом, есть все основания считать, что первая частная типография в России появилась не в начале 80-х гг. XVIII в., а на 150 лет раньше, ею была типография Василия Федоровича Бурцова.

¹Покровский А.А. Печатный московский двор в первой половине XVII века. М., 1915. С.59.

²Зернова А.С. Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. С.23.

³Немировский Е.Л. Азбучного дела подьячий // Русская речь. 1984. № 4. С.93–94.

⁴Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1992. Ч.3. Вып.1. С.129.

⁵ДАИ. Т.5. С.392.

⁶Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVII–XIX вв. Т.1. М.; Л., 1949. С.107.

⁷Русско-белорусские связи: Сб. документов. Минск, 1963. С.160.

Е.А.Рыжова
Сыктывкар

ПЕЧОРСКАЯ РЕДАКЦИЯ “АЗБУКИ О ГОЛОМ И НЕБОГАТОМ”

В среде старообрядцев большой популярностью пользовались произведения, рассчитанные по своему объему, сюжету, темам и языку на широкую читательскую аудиторию. Многие из таких произведений древнерусской литературы, названных В.П.Адриановой-Перетц демократической сатирой, были известны старообрядцам по рукописным спискам, бытовавшим в их среде.

Один из списков “Азбуки о голом и небогатом” принадлежит печорской старообрядческой традиции (ИРЛИ. УЦ-74). На этот список указывала в своей монографии В.П.Адрианова-Перетц¹, текст “Азбуки о голом и небогатом” по данному списку опубликовал В.И.Малышев², отметив в описании рукописи, что данный список является “поздней печорской переделкой”³.

Печорский список “Азбуки” относится к третьей четверти XIX в. и находится в сборнике УЦ-74, написанном, как нами установлено, характерным печорским полууставом известного усть-цилемского писца XIX в. Ивана Степановича Мяндина. Небольшой объем и формат рукописи – всего 22 листа в восьмую долю листа – говорят о том, что она была предназначена для личного пользования. Сборник содержит подборку текстов морально-нравственной тематики, в том числе и популярные в среде старообрядцев стихотворные произведения “Газета из ада”, “Стих о табаке”, а также выписки из “Патерика Нилова” о “бегании от соблазнов и сетей антихристовых” в “нынешнее пос-